

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (КемГУ)

**СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

*I Всероссийская научно-практическая
конференция с международным участием*

17 апреля 2020 г.

Издатель:
Кемеровский государственный университет

© Авторы опубликованных
статей, 2020
© Кемеровский государственный
университет, 2020
ISBN 978-5-8353-2638-9

Об издании – [1](#), [2](#), [3](#)

Кемерово 2020

УДК 001[101:17.018.22]

ББК С550.74я431+С0/8я431

С 69

Под общей редакцией

О. И. Жуковой, Е. В. Матвеевой

С 69 Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения: сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. О. И. Жуковой, Е. В. Матвеевой [Электронный ресурс]; Кемеровский государственный университет. – Электрон. дан. (объем 1,42 Мб). – Кемерово: КемГУ, 2020. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; 512 Мб оперативной памяти; видеокарта SVGA, 1280x1024 High Color (32 bit); 5 Мб свободного дискового пространства; операц. система Windows XP и выше; Adobe Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-8353-2638-9

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В сборник вошли научные работы российских и зарубежных ученых, аспирантов и студентов по вопросам политологии, философии, социологии, истории, культурологии, педагогики и психологии.

Мнение редколлегии и организационного комитета I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием может не совпадать с мнением авторов статей, опубликованных в сборнике материалов.

УДК 001[101:17.018.22]

ББК С550.74я431+С0/8я431

ISBN 978-5-8353-2638-9

© Авторы опубликованных
статей, 2020

© Кемеровский государственный
университет, 2020

Минимальные системные требования:

Компьютер: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; ОЗУ 512 Мб; 5 Мб свободного дискового пространства; видеокарта SVGA, 1280x1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP и выше

Программное обеспечение: Adobe Reader

© Авторы опубликованных статей, 2020

© Кемеровский государственный университет, 2020

Таким образом, весьма важным представляется рассмотрение концептов контактной зоны, ориентализма в ее соотношении со структурами внутренней колонизации для выстраивания связей для налаживания процесса социальной коммуникации.

Библиографическая ссылка

1. Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. – New York. Routledge, 1992.
2. Эткинд А. *Внутренняя колонизация*. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Сергеев С. *Досоветская Россия (XVIII — начало XX века) / Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009.
4. Саид Э. *Ориентализм*. – СПб.: Русский мир, 2005.
5. Чаадаев П.Я. *Философические письма. Письмо первое / Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп.* – М.: Современник, 1989.
6. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики*. – М.: Худож. лит., 1975.
7. Бродель Ф. *Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. 3-е изд.* – М.: Академический проект, 2018.
8. Ключевский В.О. *Подготовка дворянства к роли проводника западного влияния // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией / Сост. Н.Г. Федоровский. Ч.1.* – М.: Наука, 1994.

КОММУНИКАЦИЯ И НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО: СЛУЧАЙ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ¹

Сыров В.Н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, д. филос. н., профессор, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии

narrat@inbox.ru

Аннотация: В статье обсуждается роль коммуникации в работе профессионального сообщества. Утверждается, что коммуникацию необходимо считать принципом организации профессионального сообщества и, прежде всего, в сфере гуманитарного познания. Утверждается, что реализация такой роли коммуникации возможна только при конструктивистском подходе к гуманитарному познанию. Отмечается, что коммуникацию следует трактовать как дискуссию, а не

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

просто коллективные действия. Утверждается, что роль такой дискуссии становится определяющей, если достоверность знания определяется признанием сообщества, а не соответствием «объективной реальности».

Ключевые слова: коммуникация, конструктивизм, профессиональное сообщество, гуманитарное познание, Сильная программа, рациональность.

Abstract: The paper discusses the role of communication in the work of the professional community. It is argued that communication must be considered the principle of organizing a professional community and, above all, in the field of humanitarian knowledge. It is argued that the realization of such a role of communication is possible only with a constructivist approach to humanitarian knowledge. It is noted that communication should be interpreted as a discussion, and not just collective action. It is argued that this role of discussion becomes crucial if the reliability of knowledge is determined by the recognition of the community, and not by the correspondence of “objective reality”.

Keywords: communication, constructivism, professional community, humanitarian knowledge, Strong programme, rationality

В работе выдвигаются два тезиса. Коммуникацию надлежит считать не внешним фактором, облегчающим процесс гуманитарного познания, а условием и способом конституирования как самого сообщества, так и процесса его деятельности. Иначе говоря, вне коммуникативного отношения гуманитарное познание либо ущербно, либо сомнительно. Реализация такой роли коммуникации возможна только при конструктивистском подходе к гуманитарному познанию.

Доказательство резонно начать со второго тезиса. Но предварительно стоит оговорить, что под коммуникацией в познании будет пониматься не коллективное действие или взаимодействие, не групповые действия по выработке общей стратегии с внутренним разделением труда, а полемика и дискуссия.

Почему конструктивизм? В данном случае речь идет о т.н. эпистемологическом конструктивизме, т.е. определении статуса и способов оценки знания. Такой конструктивизм отталкивается от тезиса, что «даже когда наши убеждения будут охватывать по существу все правильные ответы на все нетривиальные эмпирически отвечаемые вопросы, мы все равно не сможем обоснованно сказать, какие из наших нынешних убеждений преуспели в правильном описании внешнего мира», поскольку отсутствует процедура такого определения [1, р. 226]. Или, как по этому поводу замечает Том Рокмор, что у нас нет способа отделить абсолютно объективные идеи от относительно объективных [2, р. 86]. Если это так, то предлагается другой вариант измерения валидности нашего знания, а именно соотнесение теорий, идей, дискурсов не с т.н. объективной реальностью, а друг с другом.

Поэтому Карин Кнорр-Цетина указывает, что «продукты науки должны рассматриваться как в высокой степени структурированные процессом производства независимо от их внешнего структурирования соответствием или несоответствием реальности» [3, с. 221]. Поэтому сам полученный продукт, в конечном счете, следует трактовать как «результат социальной интеракции и договоренностей» [3, с. 232]. Стоит заметить, что в таком контексте выводы социологии науки становятся уже не периферийной сферой анализа знания и познания и продуктом специфического социологического интереса, а основанием для переопределения природы нашего знания. Тогда положения известной сильной программы Дэвида Блура о беспристрастности социологии науки к истине и лжи, необходимости объяснения как того, так и другого положения дел и требования симметричности объяснения [4, с. 5] приобретают вне зависимости от интенций самого их творца радикально конструктивистский характер.

Это обстоятельство не означает утраты рациональных критериев измерения знания. Процедуры эмпирической верификации и фальсификации, способность гипотезы производить более продуктивные следствия или непротиворечиво связывать большее количество разнообразного эмпирического материала, чем другие гипотезы, никто не отменял. Правда, сторонники конструктивизма не привязывают полученные результаты к отражению реальности. Они избегают также употребления выражений типа «существует», «на самом деле», «все», «всегда». Они признают, что в рамках конструктивистского подхода принятые способы доказательства и опровержения не могут мыслиться окончательными, потому конструктивизм всегда сопрягается с релятивизмом. Они понимают и принимают важность внерациональных обстоятельств, влияющих на выживание теорий и потому поднимаемых социологией науки. Но они не утешают себя тезисом, что истина всегда пробьет себе дорогу, просто потому что для них нет истины в таком (реалистском) понимании. Это не означает, что конструктивисты являются предельными субъективистами в определении критериев научности. Они – сторонники доминирования рациональных процедур, но считают избыточным добавление к ним высказывание о соответствии тех или иных способов доказательства «объективной реальности». В этом смысле критерий надежности знания для них носит прагматический характер. Этот тезис заставляет их не просто искать процедуры демонстрации, почему следует предпочесть одну теорию другой, а искать их в доступности для человеческого существа.

Конструктивистская трактовка познания и знания неизбежно толкает к анализу отношений в профессиональном сообществе. Понятно, что согласие сообщества является не предпосылкой, а следствием циркулирования научной продукции в сообществе. Суть его заключается в принуждении к принятию тех или иных идей и восприимчивости к ним. Такая

восприимчивость означает принятие общих требований научного дискурса и желание играть по его правилам.

Однако провозглашаемая коммуникация не может и не должна сводиться к однонаправленному воздействию адресанта на адресата. Ожидаемый отклик также не следует сводить к простому пониманию авторского замысла и согласию с ним. Интенция автора должна заключаться в стремлении убедить читателя в правомерности выдвигаемых им идей, причем такое убеждение должно опираться на ресурсы логики, а не риторики. Соответственно, призыв к рациональности не должен сводиться лишь к требованию внутренней непротиворечивости, последовательности, связности авторских рассуждений. Автору надлежит убедить читателя в предпочтительности выдвигаемой им позиции, что подразумевает, как минимум, информирование его о существовании иных версий толкования обсуждаемой темы или проблемы и демонстрацию аргументации как основного инструмента воздействия в научном дискурсе.

Конечно, знание о таких версиях может быть контекстуальным или имплицитным, основанным на подготовленности читателя и подразумевающим его способность в воображении самому реконструировать данный контекст (суть проблемы, список ее интерпретаций, аргументацию оппонентов). Однако такое положение дел имеет и обратную сторону, а именно редукцию подразумеваемого читателя к узкому специалисту и, следовательно, изолированность отдельных отрядов сообщества. Можно, конечно, усмотреть в этом благородное желание не засорять храм науки дилетантизмом и непрофессионализмом. Но столь же правомерно рассматривать подобные установки в контексте недоопределенности критериев научного дискурса и научной нормативности.

Двигаясь далее, рискнем утверждать, что если в естественных науках сужение круга читателей можно считать правомерным, то в гуманитарном знании оно ведет лишь к общему обесмысливанию его значения. Причина, на наш взгляд, проста. Этот вид знания, по сути своей, не может быть достоянием узких специалистов, поскольку призван конституировать идентичность гражданина. Поэтому, в частности, «знание о прошлом ...предстает не только как собственно историческое знание, но и как способ ориентации человека в социальном пространстве и времени» [5, с. 52]. Если это так, то гуманитарное знание должно конституироваться предрасположенностью к расширению круга потенциальных читателей.

Однако значение и ценность коммуникации носит не только мировоззренческий характер. Во-первых, в силу специфики гуманитарного познания созданный продукт никогда не может исчерпать всей полноты исследуемой темы. Не все источники могут быть учтены, не все аргументы использованы, не все значимые аспекты темы приведены. Поэтому расширение круга диспутантов стоит только приветствовать. Отметим, что все то же самое

относится и к продукту коллективному. Он все равно остается следствием явного или неявного принятия определенной перспективы и потому требует ее оправдания. Во-вторых, расширение круга диспутантов за пределы профессионального сообщества позволяет расширить контекст обсуждения темы за пределы, которые профессиональное сообщество не в силах увидеть. В-третьих, рост публичности текста повышает степень рефлексивности самих диспутантов, заставляя их иными глазами посмотреть на свои собственные позиции и аргументы, в частности, вскрывая их возможную и не очевидную для самих диспутантов ангажированность. Очевидно, конечно, что последнее возможно только в рамках определенной атмосферы как внутри самого профессионального сообщества, так и за его пределами.

В заключение отметим, что тезис о роли коммуникации в гуманитарном познании порождает, как минимум, одно важное следствие. В свое время Умберто Эко отметил, что есть «тексты, которые могут не только свободно, по-разному интерпретироваться, но даже и создаваться (со-творяться, по-рождаться) в сотрудничестве с их адресатом» [6, с. 11]. Как известно, он назвал их «открытыми» текстами. «Открытый» текст не может быть описан в терминах коммуникативной стратегии, если роль его адресата (в случае словестных текстов - читателя) не была так или иначе предусмотрена в самый момент его порождения как текста» [6, с. 11].

Представляется, что идею «открытого» текста можно применить к организации текста научного. Открытость тогда будет предполагать не призыв к богатству интерпретаций, а приглашение к дискуссии. Иначе говоря, «открытость» означает демонстрацию и соответственно организацию его как формулировки проблемы или описания версий с критической экспликацией предлагаемой ими аргументации (аналог историографического обзора), проговаривание авторской гипотезы и перечисление последовательности аргументов в ее пользу.

Более того, можно утверждать, что наши действия должны так строиться. Резонно предположить, что любой иной способ построения научного текста либо затрудняет, либо разрывает интеракцию, поскольку читатель утрачивает основания для определения, чем данный продукт предпочтительнее иных. Наоборот, неспособность и невозможность реализовать аргументативные процедуры фактически сводит текст лишь к шуму в коммуникации. Но тогда сбой в коммуникации мы можем идентифицировать как сбой в опознании научности производимой продукции. Ведь даже если выдвинутая точка зрения оригинальна и претендует на приращение знания, то опознание самой оригинальности возможно лишь посредством помещения в вышеописанный коммуникативный контекст. Если это так, то вышеописанную структуру текста мы могли бы трактовать не просто как

пожелание, а как нормативную установку, обеспечивающую включенность продукции в сферу научного знания. Это не означает, конечно, что иное форматирование текста автоматически исключает его из этой сферы. Скорее оно делает его достоянием узких специалистов. Просто они, как говорилось выше, будут вынуждены достраивать коммуникативный контекст в своем воображении. Поэтому речь идет о том, чтобы сделать имплицитное эксплицитным со всеми вытекающими перспективами.

Библиографическая ссылка

1. Almeder R. *Blinded Realism. An Essay on Human Knowledge and Natural Science.* Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 1992.
2. Rockmore T. *On constructivist epistemology.* Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2005.
3. Кнорр-Цетина К. Фабрикация фактов: к микросоциологии научного знания // *Парадигмы социологии знания: хрестоматия.* М.: Наука, 2007.
4. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // *Логос.* 2020. № 5–6 (35).
5. Линченко А.А. Знание о прошлом и историческое сознание молодежи в современном обществе // *Люди и тексты. Исторический альманах.* Информационное пространство истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014.
6. Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста.* СПб: Симпозиум, 2005.

ЛИТИИ 2020 ГОДА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЧЕРНОГОРИИ

Толвайшиш Л.Л.

Университет «Унион – Никола Тесла», Сербия, к. полит. н., профессор

Уральский федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
доцент кафедры организации работы с молодёжью

ltoivaishis@urfu.ru

Аннотация: В статье рассматривается политический кризис в Черногории конца 2019 – начала 2020 г., вызванный принятием Закона о свободе вероисповедания. Кризис анализируется сквозь призму становления гражданского общества в стране. Рассматриваются особенности взаимодействия власти и общества в ходе кризиса. Приводится характеристика влияния возникшего в 2020 г. массового движения литий на качественное изменение уровня развития гражданского общества в Черногории.

Ключевые слова: Черногория, гражданское общество, общественные движения